

Хотя Сюн Цзиньчжоу сказал, что вернулся совсем недавно, на деле он уже успел накормить кур и уток, разложить на кухне вымытые овощи и вскипятить воду.

Нин Гуйчжу отметил это про себя, поставил чашку с водой и вышел вымыть руки.

— Корзину пока не трогай, — сказал он. — Поужинаем, а потом пойдём всё сажать.

— Хорошо, — кивнул Сюн Цзиньчжоу, откладывая мотыгу.

Вернувшись на кухню, Нин Гуйчжу достал из шкафа оставшиеся полынные лепешки - семь штук как раз хватит им двоим на ужин. А дома ведь ещё собаки и птица, и их тоже нужно кормить. Освободив таз, он насыпал в него две миски кукурузной крупы и протянул Сюн Цзиньчжоу:

— Перемели ещё раз, помельче.

— Сейчас.

Сюн Цзиньчжоу вышел со своей ношей, а Нин Гуйчжу задумчиво оглядел припасы в шкафу. После короткого раздумья он отрезал треть оставшегося свежего мяса, нарезал тонкой соломкой, разбил яйцо и, добавив немного муки, замешал жидкое тесто.

Свежего мяса почти не осталось. Нин Гуйчжу решил, что остаток пустит завтра утром - приготовит Сюн Цзиньчжоу мясные баоцзы на завтрак. С этой мыслью он вышел к двери кухни и спросил:

— Завтра утром сделать тебе баоцзы? С мясной начинкой.

— Конечно! — без колебаний ответил Сюн Цзиньчжоу.

Получив согласие, Нин Гуйчжу вернулся к плите. Он испёк из теста тонкие блинчики, нарезал их соломкой и обжарил вместе с мясом до золотистого цвета. Аромат жареной лапши с мясом получился насыщенным, вкус - отменным; блюдо простое и быстрое, и Нин Гуйчжу его любил.

Поставив жареную лапшу на стол, он занялся свежей горчицей.

Когда ужин был готов, Сюн Цзиньчжоу вернулся с перемолотой кукурузной мукой. Нин Гуйчжу принял её, ошпарил кипятком, замесил тесто, сформировал кукурузные вуту. Кипяток из кастрюли перелил в кувшин остывать, добавил в котёл свежей воды, установил решётку для варки на пару и поставил булочки готовиться.

— Давай сначала поедим, — сказал он, усаживаясь за стол.

— Сейчас руки вымою, — отозвался Сюн Цзиньчжоу и вышел.

Пока его не было, Нин Гуйчжу положил ему в чашку побольше жареной лапши, сам попробовал кусочек, затем потянулся к свежей горчице.

Горчицу ошпарили кипятком, затем обжарили с маслом и мясным соусом - хрустящая, сладковатая, с лёгким мясным ароматом, она получилась необыкновенно вкусной. Нин Гуйчжу брал палочками немного зелени, откусывал кусочек пышной булочки и медленно жевал; аромат полыни мягко смешивался со вкусом блюда, ничуть ему не уступая.

Сюн Цзиньчжоу вернулся, вымыв руки, и, заметив, что в миске ещё осталась жареная лапша, бросил взгляд на Нин Гуйчжу. Уголки его губ приподнялись. Он ловко намотал лапшу на палочки, подцепил всё разом и откусил - во рту разлилось простое, но полное счастье.

Пужинав, Нин Гуйчжу не стал помогать с уборкой. Он насыпал в таз немного муки, развёл тёплую воду из кувшина и начал замешивать тесто. Дрожжей не было, значит, тесто нужно ставить заранее. Погода стояла ни жаркая, ни холодная - если замесить сейчас, к утру, перед тем как Сюн Цзиньчжоу уйдёт на службу, оно как раз подойдёт.

Замешанное тесто он переложил в миску, поставил её в котёл с тёплой водой, накрыл крышкой и оставил бродить. Оставшееся свежее мясо всё до крошки мелко нарезал, замариновал в соевом соусе и убрал в шкаф.

Сюн Цзиньчжоу тем временем сложил вымытые чашки и палочки на место. Потом они вдвоём взяли мотыги, выкопанные дикие луковицы и горчицу и отправились в задний двор. Лук посадили на грядке, а горчицу - вдоль бамбуковой ограды.

Закончив, вскипятили немного воды, привели себя в порядок и отправились спать.

—

Сегодня Сюн Цзиньчжоу нужно было на службу. Ещё до рассвета Нин Гуйчжу проснулся. Зевая, он осторожно перелез через Сюн Цзиньчжоу, сел на край кровати и начал одеваться. Тот почувствовал движение, сонно провёл рукой по волосам, приоткрыл глаза и посмотрел в сторону окна.

— Ещё темно. Зачем так рано вставать?

— Пойду проверю, как поднялось тесто, и начинку приготовлю, — ответил Нин Гуйчжу, натягивая обувь и расчёсывая пальцами длинные волосы.

Сюн Цзиньчжоу сел.

— Я с тобой.

— Спи, — мягко сказал Нин Гуйчжу, закрепляя причёску. — Когда ты уйдёшь, я ещё немного подремлю.

— Раз я проснулся, всё, больше не засну.

Сюн Цзиньчжоу откинул одеяло и поднялся. Одежду, лежавшую на столике у изголовья, он надевать не стал, а достал из сундука форму стражника и быстро облачился в неё.

— Эту одежду сегодня не стирай, — добавил он. — Вечером снова понадобится.

— Хорошо, — отозвался Нин Гуйчжу.

Он поправил постель, аккуратно сложил снятую одежду и поднял глаза. Сюн Цзиньчжоу, наклонившись, что-то искал за сундуком; тёмная форма подчёркивала его крепкую фигуру.

Нин Гуйчжу на мгновение задержал взгляд и спросил:

— Что ищешь?

Сюн Цзиньчжоу вытащил оружие и показал его:

— Меч.

— Ты его так и хранишь?

— Обычно он стоит прислонённым к сундуку. Не знаю, как он в щель завалился.

Нин Гуйчжу молча подумал: а есть ли разница?

Сюн Цзиньчжоу бросил на него вопросительный взгляд.

— Ничего...

Когда тот закрепил меч на поясе, Нин Гуйчжу отвёл глаза и вышел из спальни. Снаружи было ещё темно. Войдя в кухню, он первым делом развёл огонь в очаге. Проверил тесто в миске,

вылил из котла воду и налил свежей, накрыл крышкой, а миску с тестом поставил сверху - пусть ещё немного постоит в тепле. Затем принялся за начинку.

Замаринованное с вечера мясо он вынул из шкафа, мелко нарезал собранные накануне грибы и смешал их с фаршем.

Сюн Цзиньчжоу уже разжёл огонь в печи. Увидев, что Нин Гуйчжу несёт продукты, он поставил глиняный горшок на огонь и, поднявшись, стал наблюдать.

Когда в горшке высохли последние капли воды, Нин Гуйчжу налил достаточно масла и высыпал подготовленную грибную начинку с мясом. Через пару минут по кухне разлился густой аромат - свежесть грибов и сочность мяса смешались с солоноватым запахом соуса, вызывая аппетит.

Сюн Цзиньчжоу не выдержал, подошёл к котлу, приподнял крышку, проверил воду. Убедившись, что она нагрелась, зачерпнул немного и вынес наружу - умыться.

Нин Гуйчжу переложил готовую начинку в миску, вымыл руки, стряхнул воду и ещё раз вымесил тесто. Затем добавил две чашки зерновой муки, тщательно вмешал её и принялся лепить баоцзы. Тесто он разделил на одинаковые кусочки, прокатал каждый между ладонями, приплюснул, истончая середину, положил начинку и аккуратно защипнул края, формируя красивые складки.

На решётку для варки постелил ткань и разложил круглые, пухлые баоцзы. Начинки хватило ровно на восемь штук; из оставшегося теста он слепил ещё пять простых паровых булочек. Сюн Цзиньчжоу вернулся как раз тогда, когда работа почти была закончена. Он слил горячую воду из котла, налил свежей холодной, поставил внутрь решётку с баоцзы и булочками и спросил:

— Теперь накрывать крышкой?

— Накрывай, — кивнул Нин Гуйчжу.

Он вытер руки, взял оставленную для него воду и вышел во двор умыться.

Баоцзы должны были париться некоторое время, поэтому без дела они не сидели. Нин Гуйчжу отправился в огород за домом, а Сюн Цзиньчжоу вышел поискать для кур и утят съедобной травы. Он нарубил её помельче, а в расколотые бамбуковые сегменты налил воды и поставил в загон.

С этими делами управились быстро. Сюн Цзиньчжоу тоже пришёл в задний двор и увидел, что Нин Гуйчжу, наклонившись, что-то собирает с грядок.

— Что делаешь? — спросил он, подходя ближе.

— Улитки, — Нин Гуйчжу выпрямился и показал добычу. — Надо собирать пораньше. Эти прожорливые твари быстро объедают молодую зелень. Заодно курам и утятам будет белковая подкормка.

Улитки были маленькие, не больше кончика мизинца, но их оказалось немало - за несколько дней они вполне могли бы уничтожить всю молодую поросль.

Сюн Цзиньчжоу закатал рукава и принялся помогать. Небо постепенно светлело. Нин Гуйчжу распрямился:

— На сегодня хватит. После завтрака ещё посмотрю. Тебе уже скоро на службу.

Он ориентировался по тому, во сколько Сюн Цзиньчжоу обычно вставал.

Тот бросил улиток в бамбуковую корзину:

— Не спеши. Я заранее оставил время на завтрак.

Разговаривая, они вернулись во двор. Цыплята и утята были ещё совсем малы, поэтому пришлось потратить время, чтобы тщательно раздробить все раковины. Только потом улиток высыпали в загон. Неожиданная «добыча» привела малышей в полный восторг - звонкое писклявое щебетание стало ещё громче и радостнее.

Они вымыли руки. Из кухни тянуло густым ароматом паровых булочек, и у обоих почти одновременно заурчало в животе. Они переглянулись и оба неловко улыбнулись.

Когда Нин Гуйчжу приподнял крышку, пар с насыщенным запахом грибов и мяса вырвался наружу, наполнив кухню ещё более густым, аппетитным ароматом.

Когда занят делом, голод почти не чувствуется. Но стоило приподнять крышку и вдохнуть густой аромат, как вдруг накатилась слабость, словно вот-вот закружится голова от голода.

На завтрак были только баоцзы и маньтоу. Ничего придумывать не стали, каждый взял по горячей булочке и устроился прямо у очага. Только что вынутые из пара баоцзы обжигали пальцы. После расстойки тесто получилось мягким, с небольшим добавлением грубой муки оно не казалось тяжёлым. Внутри - грибная начинка с мясным фаршем, солоноватая, сочная, ароматная. Бульон пропитал тонкую оболочку, и она местами потемнела от сока. Вкус был удивительно хорош.

Нин Гуйчжу съел два баоцзы и потянулся за маньтоу.

Сюн Цзиньчжоу тут же поменялся с ним, протянув свой баоцзы и забрав маньтоу:

— Ешь вместе со мной. Не нужно оставлять мне.

Нин Гуйчжу повернул голову и посмотрел на него. Поймав взгляд, Сюн Цзиньчжоу непонимающе моргнул. Нин Гуйчжу лишь улыбнулся, показывая, что всё в порядке, и откусил от протянутой булочки.

Всего было восемь баоцзы. Двое взрослых человек справились с ними быстро. Нин Гуйчжу поднялся, взял два маньтоу и вышел покормить собак. Курам и утятам сегодня хлеб не требовался, позже ещё наберётся достаточно улиток, голодными они не останутся.

Сюн Цзиньчжоу доел ещё один маньтоу, запил водой, чтобы утолить жажду, и вышел из кухни. Он посмотрел на хлопочущего Нин Гуйчжу и сказал:

— Я пошёл на службу. Если что, иди в передний дом. А если кто-нибудь будет тебя обижать, скажи мне, когда вернусь.

Он редко говорил так много, в его словах звучала одна лишь забота.

Нин Гуйчжу беспомощно улыбнулся:

— Не волнуйся. Что со мной может случиться?

Сюн Цзиньчжоу хотел что-то добавить, но сдержался.

Он вовсе не сгущал краски. Внешность Нин Гуйчжу была такой, что и во всём уезде мало кто мог сравниться с ним. Всегда найдутся наглецы, не боящиеся последствий, которые попробуют воспользоваться чужой мягкостью, а потом ещё и запугают, чтобы тот молчал.

Сюн Цзиньчжоу тревожился не только о том, что Нин Гуйчжу могут обидеть, но и о том, что, если его запугают, он промолчит и ничего не скажет.

Само воплощение мрачной тревоги.

Под таким взглядом Нин Гуйчжу стало неловко. Он совершенно не понимал, по каким тропам бродят мысли мужа, и потому просто сказал:

— Отец, матушка и старший брат рядом, до них рукой подать. Если что-то случится, крикну, и они сразу прибегут.

— Тоже верно...

Ответ прозвучал без особой уверенности. Но время поджимало, пора было идти на службу. Как бы ни тревожился Сун Цзиньчжоу, задерживаться он больше не мог.

<http://bllate.org/book/14958/1423018>